

"Сговорившись с тем и другим, задал он всем попойку, и хмельные козаки, в числе нескольких человек, повалили прямо на площадь, где стояли привязанные к столбу литавры, в которые обыкновенно били сбор на раду. Не нашедши палок, хранившихся всегда у довши, они схватили по плечу в руки и начали колотить в них. На бой прежде всего прибежал довши, высокий человек с одним только глазом, несмотря, однако ж, на то, страшно заспанным.

- Кто смеет бить в литавры? - закричал он.

- Молчи! возьми свои палки, да и колоти, когда тебе велят! - отвечали подгулявшие старшины.

Довши вынул тотчас из кармана палки, которые он взял с собою, очень хорошо зная окончание подобных происшествий. Литавры грянули, и скоро на площадь, как шмели, стали собираться черные кучи запорожцев. Все собрались в кружок, и после третьего боя показали наконец старшины: кошевой с палицей в руке - знаком своего достоинства, судья с войсковою печатью, писарь с чернильницею и есаул с жезлом.

Кошевой и старшины сняли шапки и раскланялись на все стороны козакам, которые гордо стояли, подпершись руками в бока.

- Что значит это собрание? Чего хотите, панове? - сказал кошевой. Брань и крики не дали ему говорить.

- Клади палицу! Клади, чертов сын, сей же час палицу! Не хотим тебя больше! - кричали из толпы козаки.

Некоторые из трезвых куреней хотели, как казалось, противиться; но курени, и пьяные и трезвые, пошли на кулаки. Крик и шум сделались общими.

Кошевой хотел было говорить, но, зная, что разъярившаяся, своевольная толпа может за это прибить его насмерть, что всегда почти бывает в подобных случаях, поклонился очень низко, положил палицу и скрылся в толпе.

- Прикажете, панове, и нам положить знаки достоинства? - сказали судья, писарь и есаул и готовились тут же положить чернильницу, войсковую печать и жезл.

- Нет, вы оставайтесь! - закричали из толпы. - нам нужно было только прогнать кошевого, потому что он баба, а нам нужно человека в кошевые.

- Кого же выберете теперь в кошевые? - сказали старшины.

- Кукубенка выбрать! - кричала часть.

- Не хотим Кукубенка! - кричала другая. - Рано ему, еще молоко на губах не обсохло!

- Шило пусть будет атаманом! - кричали одни. - Шила посадить в кошевые!

- В спину тебе шило! - кричала с бранью толпа. - Что он за козак, когда проворовался, собачий сын, как татарин? К черту в мешок пьяницу Шила! - Бородатого, Бородатого посадим в кошевые!

- Не хотим Бородатого! К нечистой матери Бородатого!

- Кричите Кирдягу! - шепнул Тарас Бульба некоторым.

- Кирдягу! Кирдягу! - кричала толпа. - Бородатого! Бородатого! Кирдягу! Кирдягу! Шила! К черту с Шилом! Кирдягу!

Все кандидаты, услы-

шавши произнесенными свои имена, тотчас же вышли из толпы, чтобы не подать никакого повода думать, будто бы они помогали личным участием своим в избрании.

- Кирдягу! Кирдягу! -

Кирдяга, по обычаю, тотчас же отказался. Старшина поднес в другой раз.

Кирдяга отказался и в другой раз и потом уже, за третьим разом, взял палицу.

Ободрительный крик

гурьбою улеглась целая куча; там выбирал иной, как бы лучше ему улечься, и лег прямо на деревянную колоду. Последний, который был покрепче, еще выводил какие-то бесвязные речи; наконец и того

ней иней.

- Нет, не прав совет твой, кошевой! - сказал он. - Ты не так говоришь. Ты позабыл, видно, что в плену остаются наши, захваченные ляхами? Ты хочешь, видно, чтоб мы не ува-

ВЫБОРЫ КОШЕВОГО АТАМАНА

раздавалось сильнее прочих. - Бородатого!

Дело принялись доказывать кулаками, и Кирдяга восторжествовал.

- Ступайте за Кирдягою! - закричали.

Человек десяток козачков отделилось тут же из толпы; некоторые из них едва держались на ногах - до такой степени успели нагрудиться, и отпавились прямо к Кирдяге, обьявивть ему о его избрании.

Кирдяга, хотя престарелый, но умный козак, давно уже сидел в своем курене и как будто бы не ведал ни о чем происходившем.

- Что, панове, что вам нужно? - спросил он.

- Иди, тебя выбрали в кошевые!..

- Помилосердствуйте, панове! - сказал Кирдяга. - Где мне быть достойну такой чести! Где мне быть кошевым! Да у меня и разума не хватит к отправленью такой должности. Будто уже никого лучшего не нашлось в целом войске?

- Ступай же, говорят тебе! - кричали запорожцы. Двое из них схватили его под руки, и как он ни упирался ногами, но был наконец притащен на площадь, сопровождаемый бранью, подталкиваньем сзади кулаками, пинками и увещаньями. - Не пьяться же, чертов сын! Принимай же честь, собака, когда тебе дают ее!

Таким образом введен был Кирдяга в козачий круг.

- Что, панове? - провозгласили во весь народ приведшие его. - Согласны ли вы, чтобы сей козак был у нас кошевым?

- Все согласны! - кричала толпа, и от крику долго гремело все поле.

Один из старшин взял палицу и поднес ее новоизбранному кошевому.

раздался по всей толпе, и вновь далеко загудело от козачьего крика все поле. Тогда выступило из середины народа четверо самых старых, седоусых и седочупринных козачков (слишком старых не было на Сечи, ибо никто из запорожцев не умирал своею смертью) и, взявши каждый в руки земли, которая на ту пору от бывшего дождя растворилась в грязь, положили ее ему на голову. Стекла с головы его мокрая земля, потекла по усам и по щекам и все лицо замазала ему грязью. Но Кирдяга стоял не сдвинувшись и благодарил козачков за оказанную честь.

Таким образом кончилось шумное избрание, которому, неизвестно, были ли так рады другие, как рад был Бульба: этим он отомстил прежнему кошевому; к тому же и Кирдяга был старый его товарищ и бывал с ним в одних и тех же сухопутных и морских походах, деля суровости и труды боевой жизни. Толпа разбрелась тут же праздновать избранье, и поднялась гульня, какой еще не видывали дотоле Остап и Андрий. Винные шинки были разбиты; мед, горелка и пиво забирались просто, без денег; шинкари были уже рады и тому, что сами остались целы. Вся ночь прошла в криках и песнях, славивших подвиги. И взошедший месяц долго еще видел толпы музыкантов, прохоривших по улицам с бандурами, турбанами, круглыми балалайками, и церковных пессельников, которых держали на Сечи для пенья в церкви и для восхваленья запорожских дел.

Наконец хмель и утомленье стали одолевать крепкие головы. И видно было, как то там, то в другом месте падал на землю козак. Как товарищ, обнявши товарища, расчувствовавшись и даже заплакавши, валился вместе с ним. Там

подкосила хмельная сила, и тот повалился - и заснула вся Сечь..."

Принятие общего важного решения: "В подобных случаях водилось у запорожцев гнаться в ту ж минуту за похитителями, стараясь настичь их на дороге, потому что пленные как раз могли очутиться на базарах Малой Азии, в Смирне, на Критском острове, и бог знает в какие местах не показались бы чубатые запорожские головы. Вот отчего собрались запорожцы. Все до единого стояли они в шапках, потому что пришли не с тем, чтобы слушать по начальству атаманский приказ, но совещаться, как равные между собою.

- Давай совет прежде старшие! - закричали в толпе.

- Давай совет кошевой! - говорили другие.

И кошевой снял шапку, уж не так, как начальник, а как товарищ, благодарил всех козачков за честь и сказал:

- Много между нами есть старших и советом умнейших, но коли меня почтили, то мой совет: не терять, товарищи, времени и гнаться за татарином. Ибо вы сами знаете, что за человек татарин. Он не станет с награбленным добром ожидать нашего прихода, а мигом размытарит его, так что и следов не найдешь. Так мой совет: идти. Мы здесь уже погуляли. Ляхи знают, что такое козаки; за веру, сколько было по силам, отстали; корысти же с голодного города не много. Итак, мой совет - идти.

- Идти! - раздалось голосно в запорожских куренях.

Но Тарасу Бульбе не пришлось по душе такие слова, и навесил он еще ниже на очи свои хмурье, исчерна-белые брови, подобные кустам, выросшим по высокому темени горы, которых верхушки вплоть занес игольный север-

жили первого, святого закона товарищества: оставили бы собратьев своих на то, чтобы с них с живых содрали кожу или, исчетвертовав на части козачье их тело, развозили бы их по городам и селам, как сделали они уже с гетьманом и лучшими русскими витязями на Украйне. Разве мало они поругались и без того над святынею? Что ж мы такое? спрашиваю я всех вас. Что ж за козак тот, который кинул в беде товарища, кинул его, как собаку, пропасть на чужбине? Коли уж на то пошло, что всякий ни во что ставит козачью честь, позволив себе плюнуть в седые усы свои и попрекнуть себя обидным словом, так не укорит же никто меня. Один остаюсь!

Поколебались все стоявшие запорожцы.

- А разве ты позабыл, бравый полковник, - сказал тогда кошевой, - что у татар в руках тоже наши товарищи, что если мы теперь их не выручим, то жизнь их будет продана на вечное невольничество язычникам, что хуже всякой лютой смерти? Позабыл разве, что у них теперь вся казна наша, добытая христианскою кровью?

Задумались все козаки и не знали, что сказать. Никому не хотелось из них заслужить обидную славу. Тогда вышел вперед всех старейший годами во всем запорожском войске Касьян Бовдюг. В чести был он от всех козачков; два раза уже был избираем кошевым и на войнах тоже был сильно добрый козак, но уже давно состарился и не бывал ни в каких походах; не любил тоже и советов давать никому, а любил старый вояка лежать на боку у козачьих кругов, слушая рассказы про всякие бывальные случаи и козачьи походы. Никогда не вмешивался он в их речи, а все только слушал да прижимал пальцем золу в сво-

ей коротенькой трубке, которой не выпускал изо рта, и долго сидел он потом, прижмурив слегка очи; и не знали козаки, спал ли он или все еще слушал. Все походы оставался он дома, но сей раз разобрало старого. Махнул рукою по-козацки и сказал:

- А, не куды пошло!

Пойду и я; может, в чем-нибудь буду пригоден козачеству!

Все козаки притихли, когда выступил он теперь перед собранием, ибо давно не слышали от него никакого слова. Всякий хотел знать, что скажет Бовдюг.

- Пришла очередь и мне сказать слово, паны-братья! - так он начал. - Послушайте, дети, старого. Мудро сказал кошевой; и, как голова козачьего войска, обязанный берегать его и пещись о войсковом скарбе, мудрее ничего он не мог сказать. Вот что! Это пусть будет первая моя речь! А теперь послушайте, что скажет моя другая речь. А вот что скажет моя третья речь: большую правду сказал и Тарас-полковник, - дай боже ему побольше веку и чтоб таких полковников было побольше на Украйне! Первый долг и первая честь козака есть соблюсти товарищество. Сколько ни живу я на веку, не слышал я, паны-братья, чтобы козак покинул где или продал как-нибудь своего товарища. И те и другие нам товарищи; меньше их или больше - все равно, все товарищи, все нам дороги. Так вот какая моя речь: те, которым милы захваченные татарами, пусть отправляются за татарами, а которым милы полоненные ляхами и не хочется оставлять правого дела, пусть остаются. Кошевой по долгу пойдет с одной половиною за татарами, а другая половина выберет себе наказного атамана. А наказным атаманом, коли хотите послушать белой головы, не пригоне быть никому другому, как только одному Тарасу Бульбе. Нет из нас никого, равного ему в доблести.

Так сказал Бовдюг и затих; и обрадовались все козаки, что навел их таким образом на ум старый. Все вскинули вверх шапки и закричали:

- Спасибо тебе, батько!

Молчал, молчал, долго молчал, да вот наконец и сказал. Недаром говорил, когда собирался в поход, что будешь пригоден козачеству: так и сделалось.

- Что, согласны вы на то? - спросил кошевой.

- Все согласны! - закричали козаки.

- Стало быть, раде ко-нец?

- Конец раде! - кричали козаки.

- Слушайте ж теперь войскового приказа, дети! - сказал кошевой, выступил вперед и надел шапку, а все запорожцы, сколько их ни было, сняли свои шапки и ос-тались с непокрытыми головами, утупив очи в землю, как бывало всегда между козаками, когда собирался что говорить старший.

- Теперь отделяйтесь, паны-братья! Кто хочет идти, ступай на правую сторону; кто остаётся, отходи на левую! Куды большая часть куреня переходит, туды и атаман; коли меньшая часть переходит, приставай к другим куреням."

Из повести Н.В.Гоголя "Тарас Бульба".

ИЗ КАЗАЧЬЕЙ
СТАРИНЫ